

"Примирять" не торопясь

Время не лечит раны, нанесенные людьми и обстоятельствами. Оно только залечивает их. А все равно они болят, ноют, как будто бы все произошло вот-вот, совсем недавно. Единственное, что они не кровоточат. И как передать ту муку от нахлынувших воспоминаний, когда не находишь места в собственной квартире, стены становятся узкими, и нет выхода? В сущности, выход есть. Но где найти силы и мужество, чтобы воспользоваться им? Да и не по-божески это. Приходится терпеть, стиснув зубы, зная, что когда-нибудь это все равно закончится.

Когда началась война, Вера Смирновой было 13 лет. Ее семья тогда жила в Минске на Коллекторной улице. Позднее, когда Минск был уже под фашистами, в этом районе было создано гетто. И шансов, что Вере, наполовину еврейке, удастся выйти живой из этой войны, почти не было.

Во время погрома 7 ноября 1942 года район, где жили Смирновы, фашисты не тронули. А в 1943 году было уничтожено все гетто. Вере чудом удалось спастись -- спряталась у подруги Вали Макаровой.

Вера Смирнова: "Я была беспризорной, ходила, смотрела. Я все видела, я ничего не забыла. Когда после погрома я вернулась домой, увидела -- на полу лежала убитая 6-месячная девочка, дочка моей сестры. Лужа крови возле головки. И сестру тоже убили. Как же Бог мог допустить такое? Ведь ребенок еще ничего плохого в своей жизни не сделал. За что его?..

... Я видела повешенных возле "Коммунарки", Дома Красной Армии. На груди у них была табличка: "Я русский партизан, стрелявший в немецких солдат".

... Я видела, как немецких евреев гнали на расстрел. По Сухой на кладбище. А перед тем, как расстрелять, над ними долго издевались..."

А потом Веру Смирнову поймали. Доставили в полицейский участок, избили, бросили в тюрьму, затем этапом переправили в Польшу: Майданек, Освенцим...

Евреев в Освенциме сжигали сразу. Женщин, детей, стариков. Свидетелей преступлений не должно было остаться. 11 крематориев вокруг концлагеря работали день и ночь. Веру, к счастью, никто не выдал.

Холод, голод, недосыпание. Вечно мучила жажда: вода текла ржавая, и пить ее было нельзя. Люди болели, умирали. Сама Вера два раза переболела тифом. Естественно, узников концлагерей никто не лечил...

Утром вывели на расстрел. Стояли в колоннах. Вокруг них копейки сыпало. А там все вокруг мелким гравием посыпано...

Разве можно это забыть? Эти унижения, страдания... После освобождения, в 1945, Вера вернулась в Минск. Долго лечилась у невропатолога. Язык как бы заново учила: на русском-то Вера плохо говорила, все больше по-польски. А потом выучилась на парикмахера, вышла замуж, вырастила двоих дочерей -- Жанну и Свету. Есть уже и два внука. Вот так и живет: потихоньку -- помаленьку.

А Германия помнит о преступлениях своих бывших правителей. Как известно, более года назад между правительствами Беларуси, Украины, России и Германии была достигнута договоренность о выплате компенсаций жертвам национал-социалистических преследований.

Германия на эти цели выделила 200 млн. марок.

Для того, чтобы получить положенную ей компенсацию, Вера Владимировна пришлось собирать бумажек-документов. Факт нахождения в Освенциме подтвердил тамошний музей. КГБ БССР дал справку о том, что она действительно использовалась в качестве черноработчей на фабрике сельхозработ. Доказала и что была несовершеннолетней тогда.

Получила деньги за Освенцим -- 1190 марок. А вот за нахождение в гетто -- никак: все откладывают.

"Мне не нужны эти деньги, -- говорила она мне, -- но мне не понятно, кто ими сейчас пользуется? Почему пожилые люди не могут получить то, что им причитается? По какому принципу начисляется та или иная сумма? И вообще, если о компенсации договаривались правительства, почему ее распределением занимается какая-то общественная организация?"

Что ж, вопросы заданы. Ответить на них я попросила Валентина Герасимова -- председателя Правления фонда "Взаимопонимание и примирение".

Итак, фонд был создан Советом Министров специально под выплату компенсаций. И организация эта, так сказать, государственно-общественного типа. Деятельность Фонда контролируется правительством. Да и немецкая сторона не пошла бы на то, чтобы вопросами распределения денег занималась какая-нибудь общественная организация. Тут должны работать незаинтересованные люди. Да, сейчас много нареканий что слишком медленно выдаются компенсации. Например, по данным Фонда, у нас узников 140 тысяч человек. Пока же, к 1 ноября, деньги получили 8,5 тысяч человек. Впрочем, действие Фонда во времени не ограничено. Вот только узников становится все меньше и меньше. Некому платить будет. Так и не получится у этих людей хоть напоследок пожить по-человечески. Правда, деньги не пропадут -- наследники получат. А после первого этапа выплаты компенсаций будет второй. Подобьется остаток денег, банковские проценты, что нарастут за это время, количество оставшихся людей.

А теперь о том, как начисляется компенсация. Стартовая сумма -- 500 марок. Несовершеннолетним узникам доплачивается еще 300 марок, и всем начисляется по 30 марок за каждый месяц, проведенный в концлагере. Кстати, Вера Владимировна за год и 8 месяцев в Освенциме должна была получить 1400 марок. А получила лишь 1190. Где остальные 210? Возможно, произошла ошибка, что-то где-то недосчитали. Так надо исправлять!

Да, я понимаю, что есть объективные, как сейчас говорят, трудности. Как и в любом деле. Но мне кажется, что это не проблемы бывших узников концлагерей, их это волновать не должно. А кого должно -- волнует?

Анастасия ПЕТРОВСКАЯ, "БМ"